

**Динамика общественно-политической лексики
в словацком литературном языке в XX веке**

Горина Мария Михайловна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Общественно-политическая лексика представляет собой вторичную языковую подсистему, которая наглядно отражает мировоззрение коммуникантов, а также социальный и политический процесс на разных исторических этапах. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день в словацкой лингвистике не представлено целостных работ, посвященных выявлению динамики и анализу путей пополнения общественно-политического словаря на современном этапе развития словацкого литературного языка. Анализ языковых фактов позволяет выявить тенденции в языковой политике государства и политической ситуации в целом, так как формирование новой терминологии и лексики в данной сфере напрямую связано с господствующими политическими концепциями, общественными движениями (например, с движением пуризма), устанавливаемой властью идеологией через язык политического дискурса.

Опираясь на анализ обширного языкового материала Интернет-ресурсов, разнообразных словарей, данных национального корпуса словацкого языка, публичных речей политиков, а также номеров журнала «Словенска реч» за 1932-1933 и 2008-2009 годы, мы пришли к выводу, что к наиболее распространенным способам возникновения ОПЛ, а также к наиболее динамичным на сегодняшний день относятся:

вторичная номинация, например, расширение значения, «*hospodár*» от «хозяин» к «завхозу», «заведующему хозяйством» (со второй половины XX века); сужение лексического значения слова «*vodca*» «руководитель, лидер» в общественно-политических текстах (*vodca KĽDR* – лидер КНДР, *vodcovia opozície* – лидеры оппозиции), утрачивается значение «атаман, вождь, вожак»;

словообразование как с помощью словацких формантов, так и с помощью интернациональных аффиксов. В ходе исследования мы выявили наиболее частотные форманты, обслуживающие данную сферу словообразования и объединили их в семантические группы. Например, суффиксы *-stvo*, *-tvo* служат для образования номинаций социальных групп и классов (*dvoranstvo* – дворянство, *sedliactvo* – крестьянство, *robotníctvo* – рабочие); суффиксы *-ist(a)*, *-ec* – для обозначения приверженцев какого-либо политического, идеологического либо социального учения (*stalinista* – сталинист, *liberalista* – либерал); суффикс *-izmus* используется при образовании названий политических учений, а также политических строев (*liberalizmus* – либерализм, *konzervativizmus* – консерватизм, *fašizmus* – фашизм);

терминологизация словосочетаний (*politické prostredie* – политическая атмосфера, *socialistická demokracia* – социалистическая демократия);

заимствования (в том числе и кальки не только слов, но и словосочетаний), например: *politický heeler* (политический боевой петух) – *politický prospechár* (политический хищник) (калька), *obergericht* – *vrchný súd* – *hlavný súd* – верховный суд, *establishment* / *establishment* - истеблишмент.

Вторичная номинация, семантическое сужение и расширение при пополнении общественно-политического словаря в настоящее время используются значительно менее активно, нежели в прошлом.

С одной стороны, в процессе самостоятельного становления нации и движения к возникновению собственной государственности социально-политический словарь словацкого языка приобретает всю большую самостоятельность, наблюдается тенденция к вытеснению иноязычных терминов и терминологизированных словосочетаний немецкого, венгерского и чешского происхождения, хотя данное «устранение» трудно

назвать полным, так как часто оно идет просто по пути замены оригинальных лексем или политических выражений словацкими кальками (igazgatóhelyettés – místopředseda (чеш.) – podpredseda (словац.) «заместитель председателя»). Сохраняются и активно используются административно-правовые термины греко-латинского происхождения, но в адаптированном (применительно к системе заимствующего языка) варианте. С другой стороны, в новых исторических и политических условиях, с возникновением новых реалий в жизни общества очень активен процесс заимствования англицизмов и американизмов из западноевропейского и англо-саксонского политического дискурса. В то же время постепенно происходит приспособление англицизмов к системе словацкого языка (активны словообразовательные процессы, заимствования «подстраиваются» под морфологические категории, характерные для словацкого языка; например, «lobbing, lobizmus» начинает склоняться по модели *dub* и является корнем целого словообразовательного гнезда *lobovanie* (лоббирование), *lobovať* (лоббировать) и т.д.). Таким образом, мы можем проследить смену политических парадигм, анализируя пути заимствования лексики из тех или иных языков, а также судьбу лексем в ходе развития общественно-политической терминологии.

Пути формирования общественно-политического словаря и предпосылки его изменения связаны с языковыми и экстралингвистическими причинами. На примере ОПС можно проследить интенсивность и аспекты влияния социальных факторов на структуру данной вторичной подсистемы языка, на преобразование составных элементов языка общественно-политической коммуникации.

О некоторых особенностях поэтики Ивана Краско (на материале поэтических сборников «Nox et solitudo» и «Verše»)

Зайцева Екатерина Игоревна

*Студентка Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Рубеж XIX – XX вв. стал знаковым в плане возникновения новых тенденций в славянских литературах, что во многом объясняется появлением новых течений в литературах Запада. В частности, на начало XX в. приходится история словацкой Модерны (1900 – 1920 гг.) - течения, во многом схожего с европейским символизмом и импрессионизмом и одновременно сопряженного с направлением реализма. Отличительными чертами Словацкой Модерны является отход от социальной проблематики, повышенная субъективность и эмоциональный психологизм, выраженное лирическое начало. В центре внимания писателей оказывается внутренний мир человека с его сложностями, духовными поисками, рефлексией.

Наиболее значимые представители Словацкой Модерны – Иван Краско, Иван Галл, Владимир Рой. Первопроходцем Словацкой Модерны считается Франтишек Вотруба, многие мотивы творчества которого были восприняты Яном Краско (1876 – 1958гг). Творчество И. Краско представляет собой словацкую модификацию поэзии европейского символизма и импрессионизма. Хотя по объему оно невелико (сборники поэта «Ночь и одиночество», 1906, «Стихи», 1912, несколько новелл) изучением его поэзии и прозы занимались многие словацкие ученые (С. Шматлак, М. Гафрик, М. Томчик и др.). Поэтикой Краско в России занималась русская словакистка Н. В. Шведова, посветившая целый ряд работ Словацкой Модерне и творчеству Краско, в частности. Особое место в этих работах уделяется изучению генетических и типологических связей красковской поэзии с другими литературами, прежде всего - французской и чешской.

Вслед за западными символистами Краско утверждает интуитивность постижения мира через мистические прозрения, откровения и лирическую медитацию. Сам Краско позднее назовет свою поэзию «рыданиями обнаженной души». В

Красовских миниатюрах прослеживаются мотивы грусти, тоски, сердечной муки, неприкаянности героя в мире людей. Всё это как нельзя лучше иллюстрирует связь мотивов поэта с творчеством европейских символистов. Особенно близки Краско по тематике были Поль Верлен и румынский поэт Эминеску, поэзию которых он переводил на словацкий язык.

Первый сборник «Ночь и одиночество» несет смысловую окраску уже в самом названии. Загадочный полумрак ночи как фон, мотивы грусти и тоски – вот определяющие линии настроения лирического героя первого сборника. Природа является одним из ключевых средств определения душевного состояния лирического субъекта. Здесь мы встречаем не только ночные пейзажи, но и серые дождливые будни как выражение унылого взгляда поэта на жизнь.

Примерами такого двуединства могут послужить стихи; «Холодный дождь» (в нем использован параллелизм - дождь капает с небес, слезы текут по щекам персонажа), «Дождик, дождик» (показана связь между миром лирического субъекта и объективной реальностью - героя возвращают к обыденной жизни заунывные звуки дождя за окном), «Робкий аккорд» (образ ненастной ночи как символ душевных терзаний субъекта).

Довольно часто Краско обращается к палитре символов и полунамеков, что находит отражение во многих произведениях. Так, в стихотворении «Тополя» («Тороле») он задает эмоционально-надрывный тон, и мы уже в первом стихе встречаем риторическое восклицание: «Хей, тополя, эти тополя высокие!», рефреном проходящее через все стихотворение. Впоследствии слово «тополя» автор употребляет еще 10 раз.

Черты символизма проявляются в неоднозначной трактовке образов, в использовании поэтических символов. Рисуя картину одиноко возвышающихся в поле тополей, поэт придает динамику этому образу, которая достигается приемом градации: в первой строфе Краско использует эпитеты «высокие, черные» тополя, тем самым намекая на их силу, твердость; во второй строфе рисунок меняется: тополя становятся без листьев, более того – «опавшие». В итоге данный образ разрушает гармоничное восприятие, что свидетельствует о начале лирического конфликта. В третьей строфе мы видим кульминацию: драма лирического субъекта, его безысходное одиночество отражены в образе надменных, всеми покинутых тополей. В этом образе угадывается гордый, невозмутимый сверхчеловек из философии Ницше, тот, который выше понятий добра и зла, он одинок по жизни; людям чужда его холодная отстраненность от быта и земных проблем.

Второй поэтический сборник Краско «Стихи» является, с одной стороны, продолжением первого: для него характерно усиление мотивов ночи и одиночества, с другой, – в нем есть и нечто новое: здесь поэт пытается разрешить экзистенциальные вопросы, воплощая мотив веры и неверия («Ночь», «Я», которые, по сути, образуют смысловое единство).

Лирический герой Краско на протяжении всего сборника настойчиво ищет ответы на неразрешимые вопросы бытия, жаждет постичь истину, найти опору, родственную душу. Неминуемое разочарование разбивает тайные надежды героя, но от этого его стремления не угасают («Лишь тебе», «Отшельник», «Сонет»). Выход даруют бескорыстная любовь и красота («Ты их видела», «Горные цветы вянут», «Сегодня»). Герой Краско сознает: главное – служение народу, поэтому социально-патриотические мотивы часто встречаются в этом сборнике («Раб», «Рудокопы», «Письмо барышне»).

Таким образом, поэтическое наследие Краско отмечено чертами модернизма и в то же время прочно связано с действительностью и традициями словацкой литературы. Мотивы грусти, тоски, разочарования («Одиночество», «Дождь идет», «Тополя» и др.), соединились в поэзии Краско с идеями патриотизма («Иегова», «Горняки», «Раб» и др.). С творчеством Краско в словацкую литературу приходит новый герой — человек, который мучительно переживает свою отчужденность и одиночество, в трагической

борьбе стремится найти путь к людям, путь, который подскажет поэту истинный смысл человеческой жизни.

Топонимы в польской и китайской фразеологии

Зубкова Оксана Николаевна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Идиоматика языка хранит в себе «систему ценностей, общественную мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам». Ярко иллюстрируют культуру, менталитет носителей языка и фразеологизмы, имеющие в своем составе топонимы.

В нашей работе представлены пословицы и поговорки, скороговорки (т.к. они также обладают свойством воспроизводимости, и по этому параметру приближаются к фразеологизмам и пословицам), идиомы, фразеологические сочетания, крылатые слова или «цитации», клише, афоризмы польского и русского языков и чэньюй (成), гуаньюньюй (用), яньюй (), суюй (俗), сехоуюй (歇后) китайского языка.

В данных фразеологизмах встречаются различные топонимы: гидронимы (океанонимы, потамонимы, лимнонимы), оронимы, ойконимы (хоронимы, астионимы, комонимы), урбанонимы (годонимы, некронимы), микротопонимы.

При этом если польские и русские источники изобилуют названиями водных объектов, городов и мелких населенных пунктов, то в китайских фразеологизмах чаще всего встречаются названия провинций и гор.

Топонимы китайского языка называют местные реалии. Это связано с тем, что Китай долгое время оставался изолированным от остального мира. Они же, зафиксированные в польском и русском языках, нередко номинируют зарубежные и библейские объекты. При этом фразеологизмы, содержащие экзонимы, несут в себе национально-культурные стереотипы. Отношение к другим народам может быть позитивное, негативное, пренебрежительное. Способ восприятия различных этнических групп нередко обуславливается оппозицией «свой» - «чужой», а также особенностями отношений и конфликтов между этими группами. Интересно, что в польских фразеологизмах представлено достаточно большое число топонимов, номинирующих русские реалии, а в русских – онимов, называющих польские объекты. Так, хороним *Русь* встречается и в польских, и в русских источниках. Но если для русского человека *Русь* – матушка, святая, то в польских идиоматических единицах, имеющих в своем составе данный топоним, появляется оттенок принуждения. В русском языке хороним *Польша* выступает в фразеологизмах, обозначающих разбой, разлад в общественной и семейной жизни, в то время как в пословицах и поговорках польского языка встречается как отрицательная, так и положительная оценка политического и социального уклада Польши (Речи Посполитой).

Фразеологизмы, содержащие топонимы, мы подразделяем на

I) характеризующие человека:

- 1) внешность (красоту или уродство), физические свойства, состояние здоровья (указание на глухоту, косоглазие, болезнь, в том числе душевную);
- 2) характер и психические свойства (указание на глупость, жадность, гордость, ум, болтливость, бойкость, злость, невоспитанность, отчаянность, тщеславие);
- 3) социальные признаки, например, опыт, навыки;
- 4) материальное благосостояние и уровень жизни;

II) характеризующие местность:

- 1) по образу и уровню жизни ее жителей;
- 2) по уровню безопасности;
- 3) по расположению;

- III) характеризующие предмет;
 - 1) по качеству;
 - 2) по размеру;
 - 3) по стоимости;
- IV) характеризующие поступки и события;
- V) выполняющие роль примет.

Топонимы в составе фразеологизмов выполняют целый ряд языковых функций: номинативную, коммуникативную, аккумулятивную (познавательную, накопительную), регулятивную, юридическую, аксиологическую, корпоративную.

Что касается грамматических особенностей топонимов в составе фразеологизмов польского и русского языков, то следует отметить, что имена собственные в идиоматических единицах обладают грамматической категорией падежа, рода и числа (могут быть *sg. tantum* и *pl. tantum* (Боровичи, Brzezinki)).

В фразеологизмах топонимы могут выполнять различные синтаксические функции. Они выступают в качестве обстоятельства места (с предлогом в польском, русском, китайском языках и без предлога в китайском языке), подлежащего, выраженного существительным, дополнения, сказуемого, определения.

Отдельно стоит обратить внимание на синтаксис китайских фразеологизмов. Особый интерес представляют фразеологизмы «чэньюй», которые делятся на чэньюй параллельной конструкции (состоят из четырех морфем-слов и отличаются параллельным лексико-семантическим, грамматическим, а также фонетическим построением) и чэньюй непараллельной конструкции (состоят из четырех, пяти и более морфем, допускают разнообразные по синтаксической структуре и лексическому составу построения, использование служебных слов). Функционально «чэньюй» является членом предложения. Особенностью синтаксиса народных речений яньюй () является то, что они функционируют в качестве предложения и часто делятся на 2 синтагмы. Из двух частей состоят и недоговорки сехоуэй (歇后) (первая часть – сравнение, иносказание, загадка, вторая – разъяснение сравнения, иносказания, разгадка). При этом недоговорка может употребляться в полной или усеченной форме.

Источниками происхождения фразеологизмов являются Библия (для фразеологизмов русского и польского языка), мифы и легенды, исторические события, песни, художественные произведения. В русском языке много современных пословиц и поговорок появилось в результате перефразирования.

Благодаря обширности и разнообразию собранного нами материала, удалось выявить не только предсказуемые отличия в поведении топонимов в составе фразеологизмов столь далеких и разных в грамматическом, лексическом, синтаксическом отношении китайского и русского и польского языков, но и отметить сходства в функционировании топонимов, совпадение их семантической роли, языковой, стилистической и синтаксической функции в составе фразеологизмов.

Среднесловацкие и западнословацкие элементы в языке перевода *Janua Linguae Latinae Reserata Aurea* Я. А. Коменского

Калмыкова Майя Анатольевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,

Москва, Россия

Несмотря на то, что первые попытки кодификации словацкого языка относятся к концу восемнадцатого столетия, на протяжении нескольких предшествующих этому веков на территории нынешней Словакии формировалась собственная письменная традиция на основе чешского литературного языка и югозападнословацких говоров. Ее классический вариант представлен в текстах, создававшихся в Трнаве, где в

средневековье был университет с собственной типографией. Особый интерес в языковом отношении представляют тексты, возникшие на территории Средней Словакии, поскольку наряду с типичными элементами, характерными для словацкой письменности, в них могли быть представлены также особенности местного диалекта. Одним из таких текстов является перевод произведения Я. А. Коменского *Janua Linguae Latinae Reserata Aurea*, хранящийся в Венгерской национальной библиотеке Сечени в Будапеште [Comenius 2009], который и стал объектом нашего исследования. Рассмотрим особенности языка этого перевода.

Некоторые особенности языка рассматриваемого памятника письменности характерны для всех или почти всех говоров словацкого языка. Это, например, нестяженные формы ряда косвенных падежей прилагательных женского рода (в отличие от чешских): *priezračneg, tmaweg, padajúceg, polničneg*; формы предложного падежа множественного числа существительных мужского рода с флексией *-och*: *o zwegoch, o zywloch, o zywotčichoch* и др.

Присутствуют в тексте и среднесловацкие по происхождению элементы. В частности, широко представлены разнообразные дифтонги: *piesek, v črieslech, žiada, spruosobnych, newyťiekol, o hmiezdiech, žryeba, kuon, weir, kuora, mesiaček, o krewyech, wagsya, lesnia, pletie, būžikowya, tečye, kolien*. Причем, если в корнях даже одних и тех же лексем могут встречаться как дифтонги, так и соответствующие им долгие монофтонги, которые характерны для некоторых западнословацких говоров, а также чешского языка (Камеп *paruzgany gest pysek, který gestli ge hrubšy, zove se hruby piesek a ostru pysek*), то в употреблении дифтонгов во флексиях наблюдается определенная регулярность. Дифтонги явно преобладают в глагольных формах 3 лица единственного числа настоящего времени (*blišťya, krutja, ležya, ctia, smrdia*), в мягком варианте склонения прилагательных с основой на *n* (*lesnie, nerodnie, ostatnye, širokolystnie*), формах притяжательных прилагательных (*psia, zagačya, myssye, kuria*), сравнительной и превосходной степени прилагательных (*mekšie, podlegšie, diwnegšieho*). Также автор систематически использует указательное местоимение *tie* (*tye*), неопределенные местоимения с префиксоидом *nie-*.

В формах причастий на *-l* мужского рода, образованных от глаголов с основой на согласный, обнаруживается вставной *o* (*wyťiahol, newyťiekol, wywrhol se, wpadol, psemohol*), что также характерно прежде всего для среднесловацкого диалекта.

Специфика формирования словацкой письменной традиции, когда из текстов постепенно вытеснялись элементы чешского происхождения, в языке перевода отражена в виде сохраняющихся богемизмов, каковыми являются некоторые формы со стяжением гласных и перегласовкой. Стяженные формы местоимений широко представлены в тексте (*swim, sweho*). Характерная для чешского языка перегласовка ($a > e, u > i$) часто встречается в корнях слов (*kolej, zevnitny*), а также в формах действительных причастий настоящего времени, деепричастий (*wstupujice, pochadzejicy, pridržawajice*) и третьем лице множественного числа глаголов на *-at'* (*wibyeraġi, wikorawaji, zelenajġi*). Однако довольно частотны формы без перегласовки (*ulyewaju, opaduwagu, narostuwaju*). Представлены также формы с регрессивной перегласовкой: формы прилагательных в превосходной степени употребляются в чешской огласовке (*neytenšu, neysutilnešu, neukratšy, neydluħy*), за исключением одного примера: *pauskoreġ*; а в формах повелительного наклонения наблюдаются колебания (*hybag, udelag, prečiteġ, rozpraweg, žadeg*).

Колеблется и написание форм 3 лица множественного числа настоящего времени глагола *byť*: возможен чешский вариант с дифтонгом *ou* и начальным *j* (*jsau*) и более редкий словацкий вариант (*su*).

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет функционирование в тексте элементов западнословацкого происхождения, так как автор перевода, по всей

вероятности, происходит из Средней Словакии. Тем не менее, он испытывает влияние западнословацкой письменной традиции. К таким элементам относятся деминутивы с суффиксом *ek*, лексемы, в которых отражена утрата слоговых после язычных консонантов (*neydluhšy, stlupik*), флексия *-u* в творительном падеже женского рода (*tmavu, neštaltovnu mrakotau, oslu*).

Таким образом, язык перевода является гибридным, состоящим как из среднесловацких, общесловацких и чешских элементов, так и элементов западнословацкого происхождения. Вероятно, наличие генетически разнородных элементов характеризует всю средневековую письменность среднесловацкого происхождения, однако для подобного вывода необходимо сопоставительное изучение многих текстов, созданных в среднесловацком регионе.

Литература

Comenius J. A. Janua linguae latinae reserata aurea Leutschoviae, 1643. Budapest, 2009

Перспективы развития библейской фразеологии украинского языка

Карчина Юлия Александровна

*Аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия*

Язык Библии оказал большое влияние на формирование литературных языков многих народов, в том числе и славянских, искони приобщенных к христианской культуре. Переводы Священного Писания на национальные языки стали основой книжного стиля и у русских, украинцев и белорусов. Несмотря на то что экзегетика и герменевтика, как таковые, являются по сути древнейшими и традиционнейшими занятиями филологов, многие аспекты этой сложной проблематики являются мало разработанными. Таковы, например, вопросы об усвоении языками тех выражений, которые восходят к тексту Книги книг, о специфике их дальнейшего развития в каждом из этих языков.

Поверхностное знание таких единиц вынуждает обращаться к дополнительным источникам информации, которыми являются справочные издания, в первую очередь словари. Тщательно подготовленные историко-этимологические справочники позволяют проследить за изменением значения выражений, увидеть примеры использования библейской фразеологии в литературе и публицистике. Углубленное изучение библейских изречений, выявление их соотношения с библейскими прототипами, определение трансформаций, произошедших с библеизмами в процессе функционирования, – все это приводит современного читателя к пониманию красоты и глубины самого источника выражений.

Фразеологическая сокровищница украинского языка до настоящего времени не то чтобы неупорядочена, но и не полностью собрана, однако фразеологического материала содержится довольно много в русско-украинских и украинско-русских общих, а также в некоторых небольших фразеологических словарях.

Їсти від дерева пізнання, повертатися на круги своя, нехай буде світло, на піску будувати, шукайте і знайдете, не відають, що творять, не хлібом єдиним живе людина, вавилонське стовпотворіння, заривати талант в землю, метати бісер перед свинями, вовк в овечій шкурі ... Эти и многие другие выражения пришли к нам из Ветхого и Нового Завета.

В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно начать собирать материал для словаря украинской библейской фразеологии. Поскольку в библейской фразеологии русского языка уже есть определенные разработки, материалы, с 1991 года вышло в свет более десяти различных словарей библеизмов, можно, опираясь на имеющиеся исследования, такую же работу провести с библейскими выражениями украинского языка.

Намечая примерный план работы, обратим внимание на то, с чем придется столкнуться исследователям:

1) Необходимо проанализировать опыт лексикографического описания библеизмов в украинской и русской традициях и сравнить их.

3) Следующим этапом станет выявление общего и различного в корпусах украинской и русской библейской фразеологии.

2) Далее нужно рассмотреть все словарные статьи, где присутствуют библеизмы не только в словарях собственно библейской фразеологии, но и во фразеологических словарях, словарях крылатых слов, а также в толковых словарях двух языков.

3) После всестороннего анализа можно будет разработать структуру «идеальной» словарной статьи для словаря библейской фразеологии.

7) После всего перечисленного понадобится описание источников материала для возможного словаря: литература, публицистика, Интернет.

В результате анализа многочисленных словарных изданий на русском языке (толковых словарей, содержащих библейские фразеологизмы в своем составе в качестве иллюстраций использования той или иной лексической единицы; фразеологических словарей, имеющих в словнике выражения библейского происхождения, и словарей собственно библейской фразеологии, выбранных нами для анализа) нами была определена оптимальная структура словарной статьи для словаря библейской фразеологии, которая, на наш взгляд, подошла бы и для словаря украинских библеизмов.

Итак, словарная статья должна быть организована в соответствии с логикой мысли читателя. В первую очередь, определяется компонентный состав фразеологизма, то есть форма, которая наиболее употребительна в речи. При столкновении с архаизмом в составе оборота (если он присутствует), читатель испытывает затруднение и нуждается в толковании этого отдельного малопонятного компонента. Далее необходимо определиться, каким образом выражение вписывается в структуру фразы и насколько оно уместно в том или ином стиле речи. В этом помогают грамматические и стилистические пометы. После этого нужно понять значение фразеологической единицы – пользователь обращается к ее толкованию. На следующем этапе возникает интерес к происхождению выражения, которое поясняют историко-этимологические справки. Чтобы сформировать окончательное представление о словарной единице, необходим иллюстративный материал, показывающий, каким образом выражение вписывается в структуру фразы на практике. Итак, условная словарная статья выглядит следующим образом:

- 1) заголовочная единица,
- 2) стилистическая характеристика выражения,
- 3) толкование отдельных малопонятных компонентов библеизма,
- 4) грамматическая характеристика выражения,
- 5) толкование значения оборота,
- 6) историко-этимологическая справка,
- 7) иллюстративный материал.

Для удобства читателя информацию следует размещать блоками, используя общепринятые условные обозначения и сокращения. Также возможна разработка собственной дополнительной системы обозначений для конкретного издания.

Очищение и шлифовка языка должна производиться на всех уровнях языкового сознания, во всех лингвистических областях. Человек нуждается в пояснении трудных случаев, толковании непонятных моментов для грамотного владения языком. Особенно важно, на наш взгляд, знание корней и источников культуры и языка. Именно поэтому необходимо собирать жемчужины библейской фразеологии, очищать их и доносить до любителей словесности в достойной лексикографической оправе.

Само Цамбел и словацкий пуризм

Левшунов Николай Дмитриевич

*Студент Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Пуризм как явление общественной жизни представляет собой одну из актуальных проблем в теории языковой политики. Сам по себе пуризм (от лат. *purus* – «чистый») – «направление в строительстве литературного языка, ставящее своей задачей стабилизацию его лексики, «очищение» её от всех элементов, осуждаемых литературным канонem, в первую очередь от иностранных слов, и дальнейшее обогащение языка словами, образованными исключительно средствами родного языка». [Литературная энциклопедия: 372-373].

Словацкий пуризм прошёл несколько стадий в своём развитии. Они были вызваны меняющейся социально-политической обстановкой в Словакии. Элементы пуризма обнаруживаются ещё в XIX веке, причём тогда он имел в основном антинемецкую и антивенгерскую направленность. Как вполне оформленное течение, однако, он проявляет себя в 30-40 гг. XX века, став при этом главным образом античешским. Явился он следствием идеологии чехословакизма (которую разрабатывали в основном чешские лингвисты, например Ф. Травничек [Trávníček 1935]), реализовавшейся на государственном уровне в образованной Чехословацкой Республике. Сутью его было утверждение о том, что существует единый чехословацкий этнос с двумя литературными языками (соответственно, чешским и словацким). И такое положение дел рассматривалось как явление временного характера: в будущем они должны слиться в один литературный язык – чешский. Это вызвало сопротивление со стороны значительной части словацкой интеллигенции, что и привело к появлению пуристического движения, основным рупором которого стал журнал «Словенска реч».

Истоки словацкого пуризма восходят к работам крупного лингвиста, кодификатора словацкого литературного языка С. Цамбела (1856-1909). Основной его кодификаторской работой явилось "Руководство по словацкому литературному языку" [Czambel 1892]. Он утверждает, что литературный язык не может являться основанием для определения этнического происхождения словаков, нужно опираться на народные диалекты из-за некоторой доли искусственности в любом литературном книжно-письменном языке: «Разве в древний период венгры были латинским народом, если в то время венгерская интеллигенция говорила по-латински и по-латински писала?». [Czambel 1904: 5].

Само Цамбел видел существенные различия между словацким и чешским языками, что, по его мнению, объясняется южнославянским происхождением среднесловацкого диалекта. Об этом свидетельствуют упрощение сочетаний *tl*, *dl*, отсутствие консонанта *ř*, вставной гласный *á* (*sestár*, *maták*) и др. С его точки зрения, была необходима дебогемизация словацкого литературного языка главным образом в области словарного состава и синтаксиса путём обращения к диалектам (в которых часто сохранялись исконные словацкие формы и конструкции).

С. Цамбел высказывался относительно предшествующих кодификаций словацкого литературного языка. Так, он отрицательно оценивал кодификацию А. Бернолака (1787), поскольку она была основана на самом близком чешском языку западнословацком диалекте. Также негативно он высказывался и о кодификации Мартина Гатталы, которую считал возвратом к чешскому языку.

Таким образом, можно утверждать, что именно Само Цамбел сформировал те основные положения словацкого пуризма (то есть, культурно-историческое своеобразие словацкого этноса, существование словацкого языка как самостоятельного, занимающего своё место в семье славянских языков, необходимость предотвращения дальнейшего сближения словацкого языка с чешским путём вытеснения заимствованных

слов), на которые опирались собственно словацкие пуристы 30-х годов XX века, такие как Генрих Бартек, Петер Тврды, Ян Михал и др.

Литература

Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1935. Т.9.

Czambel S. Rukoväť spisovnej reči slovenskej. Turčiansky Svätý Martin, 1892.

Czambel S. Minulost, přítomnost a budoucnost československé národní jednoty. Praha, 1904.

Trávníček F. Historická mluvnice československá. Praha, 1935.

Ритм прозы Станислава Стратиева (сб. «Болгарская модель» и «Мотивы для кларнета»)

Лунькова Наталья Александровна

*Студентка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Сборники известного болгарского прозаика и драматурга Станислава Стратиева «Болгарская модель» (1991 г.) и «Мотивы для кларнета» (1997 г.), объединенные общей тематикой и проблематикой, были написаны в очередной «переходный» период болгарской истории. С 1989 года, когда Болгария официально приобрела статус парламентской республики, начинается тотальное переосмысление достижений прошлого, и особенно, времени «тоталитаризма». Попытки отказаться от значительного периода истории собственной страны привели к радикальным переменам в ценностных основах культуры. Однако процесс строительства Новой Болгарии затянулся, и страна оказалась в затяжном политическом, экономическом и духовном кризисе. Болгарские писатели тех лет, безусловно, не могли не реагировать на сложившуюся ситуацию, и С.Стратиев пишет несколько сборников рассказов, отражающих кризисную ситуацию и беспокойный ритм 1990-х гг.

Его произведения отличаются острой социальной направленностью и посвящены проблемам современной Болгарии и болгар. Не отразить «пульс» своего времени С.Стратиев не мог, ведь искусство подражает бытию, о чем писал еще Аристотель в своей знаменитой «Поэтике», и подражание жизни совершается в искусстве по-разному, в том числе и с помощью ритма.

Категория ритма характерна для каждого вида искусства и проявляется в нем по-разному. В процессе эволюции литературных форм от классических структур к формам, обладающим подвижной, неканонической структурой, от рифмованных стихов к белому стиху, от моноритмичных образований к полиритмичным, становится очевидно, что ритмическая повторность предполагает чередование соизмеримых, а не тождественных элементов. Ритмом обладают не только поэтические, но и прозаические структуры, в которых ритм прослеживается на всех уровнях организации текста. Вопрос о существовании ритма прозы до сих пор является предметом спора многих исследователей, однако, как утверждал Цицерон, если проза хочет быть отделанной и художественной, то она должна обладать ритмом. Ритмическое чередование присутствует в прозе на фонетическом, лексическом, синтаксическом и композиционном уровнях, но основным ритмом прозы является *смысловой*. Смысловой ритм воплощает содержательность текста, оттенки характеров персонажей и находит отражение в коллизиях сюжета, композиции, в «переосмысливании, требующем повторения» [Шкловский: 114].

В исследуемых сборниках С.Стратиев, затрагивая широкий спектр проблем, связанных с жизнью Болгарии, подчиняет свою прозу власти антитез. Ритмическое чередование «борьбы понятий» [Шкловский: 111] лежит в основе беспокойного ритма его рассказов, уже *графически* представляющих собой рассказ в неклассическом понимании. Это рваные строки, состоящие из одного-двух слов или же полноценных, законченных предложений. На лексическом уровне ритм выражается в оппозициях

«здесь» и «там», «у нас» и «во всем мире», «Балканы» и «Европа», «в болгарской модели» и «у них». Эти противопоставления пронизывают структуру многих его рассказов, нередко становясь основой для их анафорической композиции. Ритм есть и на уровне синтаксиса: простые нераспространенные предложения вдруг сменяются сложносочиненными, как правило, с противительными союзами «а» и «но»: «У нас получилось наоборот – король одет, а народ гол» [Стратиев: 5] и т.д. Используя визуально воспринимаемые читателем способы передачи ритма, Стратиев продолжает чередовать мотивы своего «писательского кларнета» и повторяет их, тем самым усиливая напряженность своей прозы. Создав два микромира (Болгария и Европа/Америка), автор мастерски демонстрирует всю серьезность проблем самоидентификации, эмиграции болгар, псевдосвободы, одиночества и многих других. Диалог Дон Кихота (обращающегося к Санчо Пансе в сборнике «Болгарская модель») и Санчо Пансы (отвечающего ему уже в сборнике «Мотивы для кларнета») как нельзя лучше иллюстрирует лейтмотив свободы, имеющий в сборниках различные воплощения. В рассказах присутствуют аллюзии на античных авторов, на классиков болгарской литературы, которые позволяют ритму прозы Стратиева существовать не только в рамках отдельно взятого произведения, но и отсылать к вариациям смыслового, главного ритма других произведений.

Парадоксальная, ироничная игра со смыслами и образами, антитезы и метафоры позволяют Стратиеву воплотить в его беспокойных сборниках ритм 1990-х гг. В тексте используется множество сквозных образов, интертекстуальных включений и ассоциаций, логика и периодичность повторений которых напрямую зависит от авторской позиции. Сборники «Болгарская модель» и «Мотивы для кларнета» - это последняя попытка равнодушного честного художника обратить внимание соотечественников на острые проблемы современной жизни в его родной стране. И парадоксальная, ироничная, артистичная игра со смыслами и образами, антитезами и метафорами помогает ему воплотить в своей «беспокойной» прозе ритм времени – 90-х годов.

Литература

Стратиев С. Българският модел. София, 1991.

Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1983.

Языковой анализ двух грамматик «словьяцкого» языка

Рогальская Екатерина Юрьевна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Хорошо известно, что в Восточной Словакии, начиная с XV в., появлялись памятники письменности, содержащие значительное количество элементов восточнословацкого диалекта. В связи с этим высказывалось мнение, что в названном регионе формировался особый, так называемый, культурный язык [Pauliny 1986] или даже восточнословацкий литературный язык [Дуличенко 1981]. При этом, однако, подробным анализом языка памятников восточнословацкой письменности, а также его грамматических описаний до настоящего времени никто не занимался, поэтому решать вопрос о сущности указанного явления представляется преждевременным. Ведь для признания того, что в каком-то регионе развивается особая письменная традиция, необходимо установление языковых взаимосвязей между различными текстами, возникшими в данном регионе в разные периоды времени, и выявление динамики его развития.

В данном докладе мы проанализируем язык двух грамматик «словьяцкого» языка, как называли восточнословацкий диалект некоторые его носители, с целью выявления общих и специфических особенностей их языковой структуры. Это написанная на

венгерском языке «Шаришская словацкая грамматика», составленная Адольфом Урбаном и изданная в 1875 г. в Прешове, и «Словьяцкая грамматика» Эдо Добрянского, изданная в 1941 г. в Кошице, когда этот город был включен в состав Венгрии. Первая грамматика была предназначена для восточнословацких школ, а вторая – для всех интересующихся.

В результате проведенного анализа было выявлено следующее. По определённым морфологическим и фонетическим признакам мы можем сделать вывод, что язык, представленный в данных грамматиках, является своеобразным смешением литературного языка и различных восточнословацких говоров. Мало того, можно даже утверждать, что они могли быть составлены на основе литературного словацкого языка, но с включением в грамматики тех или иных фонетических особенностей восточнословацкого диалекта. Однако, так называемая «Шаришская грамматика» действительно содержит в себе ряд характерных черт именно шаришского говора. Тем не менее, встречаются и особенности других наречий. Вторая грамматика представляет собой ещё более яркое смешение. В ней мы видим фонетические особенности абовского и спишского говоров восточнословацкого диалекта. Кроме того, наблюдаются так же и черты, присущие диалектам, функционирующим на территории Средней Словакии. Таким образом, мы можем сделать вывод, что грамматики, составленные на основе литературного языка, обладают характерными особенностями различных говоров, функционирующих на территории всей Восточной Словакии, что свидетельствует об отсутствии преемственности их языка. В связи с этим подтверждение тому, что в восточнословацком регионе формировалась особая письменная традиция, мы не получили. Для решения этой задачи необходимо проанализировать языковой материал многих памятников восточнословацкой письменности, что может быть осуществлено в будущем.

Литература

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983.

Некоторые аспекты становления терминологии государственного устройства и управления в Конституции Княжества Болгарского 1879 г. (Тырновская конституция)

Сулова Евгения Михайловна

Преподаватель Высших курсов иностранных языков Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Социально-политические трансформации обуславливают значительные изменения в лексическом составе языка. Появление в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. независимого болгарского государства (вначале под протекторатом Российской империи), а соответственно новых государственных институтов и законодательных актов вызвало необходимость разработки лексики для описания нового порядка. Основная часть данных лексем утвердилась в тексте Конституции Княжества Болгарского, принятой в апреле 1879 г. Исследованию документа с исторической точки зрения посвящено большое количество работ. Лингвистические исследования не столь многочисленны и касаются прежде всего проблем становления административно-делового стиля, а также орфографических и грамматических особенностей текста.

Предмет нашего исследования – представленная в конституции терминология государственного устройства и управления.

Наименования лиц, облеченных властью, составляют одну из основных лексико-семантических групп данной терминосистемы.

В соответствии с текстом конституции, предусматривающим принцип разделения властей, правомерным представляется разделить анализируемые лексемы **по значению**

на три группы, соответствующие трем ветвям власти – исполнительной (*князь, наместник, регент*)*, законодательной (*народен представител, депутат*) и судебной (*лица судебные*).

Проблема происхождения является одной из центральных при исследовании данного пласта лексики. С одной стороны, значительную роль в становлении болгарской общественно-политической терминологии играл русский язык. Российские государственные деятели участвовали в подготовке первой болгарской конституции и других законодательных актов (текст конституции составлен на двух языках). С другой стороны, уже существовавшие в болгарском языке слова (ранее заимствованные или исконные) на страницах конституции закреплялись в качестве терминов. Использование лексем, описывающих государственное устройство других стран, было характерно для болгарского языка и до Освобождения, начиная со второй четверти XIX в., и связано со становлением научно-популярной и учебной литературы, с появлением значительного количества учебников (сначала переводных) по географии и истории, а также с созданием словарей и разговорников и переводами законодательных документов, касающихся государственного устройства других стран, прежде всего Османской империи.

Вопросы устройства собственно болгарского государства были предметом обсуждения в различных сферах болгарского общества и вне его задолго до Освобождения. Программы будущего устройства страны предлагали различные комитеты, общества, отдельные деятели. Активное обсуждение данного вопроса шло на страницах периодической печати, являвшейся тогда главной трибуной для болгарских общественных деятелей. Участники дискуссий по большей части получили образование за пределами Болгарии (прежде всего в России), владели иностранными языками (прежде всего русским и французским) и, значит, были знакомы с соответствующей терминологией.

Анализ терминов рассматриваемой лексико-семантической группы с точки зрения их **происхождения** позволил сделать следующие выводы:

1. В тексте представлены две группы терминов: болгарские слова, закрепленные в тексте конституции в качестве терминов, и заимствования из русского и других европейских языков. Данные лексемы употреблялись в языке и до принятия конституции – в исторических и географических трудах (Икономов Т. «Кратко земеописание» 1856 г. и др.), на страницах периодической печати (газеты «Свобода», «Нова България» и др.).

2. Большая часть терминов так или иначе ощутила на себе влияние русского языка, которое могло выражаться в:

2.1. Терминологизации существовавших в болгарском языке лексем книжного (*владетел, народен представител*) или народного происхождения (*глава*).

2.2. Непосредственном заимствовании лексем из русского языка при переводе конституции на болгарский (*върховен началник*).

2.3. Калькировании русских лексем с использованием корней народного происхождения (*глава на държавата – глава государства, съдебни лица – лица судебные*).

2.4. Заимствовании словообразовательных моделей русского языка. Широко представлены в тексте существительные Nomina agentis с суффиксом –тел. Характерны для данной группы терминов и существительные с суффиксом –ство с абстрактным значением, причем данный суффикс присоединялся как к славянским (*настойничество*), так и к заимствованным корням (*регентство*). Сюда же можно отнести нехарактерную для народного языка модель образования сложных существительных с помощью соединительной гласной (*престолонаследник*).

2.5. Фонетическом облике слова. Так, термин «князь» дается в русской огласовке (в отличие от болгарской «кнез»).

3. Заимствования (не из русского языка) в данной группе терминов представляют собой интернационализмы (*монарх, депутат*). Они используются в публицистике и учебной литературе и до Освобождения, попадая в болгарский язык через русский или непосредственно при переводе и цитировании материалов из иностранной прессы.

4. По форме термины представлены отдельными словами или словосочетаниями, состоящими из славянских элементов (*управител на държавата*) или славянского слова и заимствования (*надлежен министър, особен коммисар*).

Итак, анализ лексем, называющих лиц, облеченных властью, в Тырновской конституции, свидетельствует о том, что процессу становления терминологии государственного устройства и управления в болгарском языке были свойственны две основные тенденции – заимствование из других языков (на данном этапе прежде всего из или при посредничестве русского) и использование средств собственного языка, их терминологизация.

*Примеры даются в современной графике в части отсутствующих в современном болгарском алфавите букв, а также ь и ь на конце слова.

Развитие лексики с общеславянским корнем *sьrd- в истории русского и болгарского языков

Тимошина Дарья Владимировна

Студентка Самарского государственного университета, Самара, Россия

В соответствии с современным пониманием сравнительно-исторического подхода, ориентированным на исследование исторического пути того или иного языкового явления, цель работы состоит в том, чтобы проследить словообразовательное и семантическое развитие производных от праславянского корня *sьrd- (и.-е. *card-) в славянских языках (русском и болгарском). Развитие лексики с обозначенным корнем прослеживается по многочисленным лексикографическим источникам.

Русский и болгарский, как известно, восходят к общему праславянскому языку-основе, хотя и относятся к разным языковым подгруппам. Их историческое родство проявляется и в развитии лексем, производных от праславянского корня *sьrd-. В обоих языках гнезда производных обширны. Их основы представлены праславянскими по происхождению лексемами: русск. *сердце* и *сердить*; болг. *сърце* и *сърдя*. Общность состава гнезд наблюдается в том, что и русский и болгарский сохранили лексемы с праславянским корнем *sьrd-, а не заменили их синонимами, как это произошло, например, в польском языке. Ср.: *сердце* – *сърце* – *serce*, но *сердить* – *сърдя* – *gniewać* и *усердие* – *усърдие* – *gorliwość*. Другая важная особенность состава гнезд в обоих современных языках состоит в том, что они отражают влияние старославянского (староболгарского) языка.

На фоне черт общности в оформлении словообразовательных гнезд наблюдаются и различия. Они касаются как состава гнезд, так и семантических особенностей конкретных производных.

В древнецерковнославянском языке отражаются христианские значения лексем с корнем *sьrd. Затем происходят многочисленные изменения. Так, например, в древнерусский период все лексемы с обозначенным корнем четко разделяются на три лексико-семантических группы – «сердце», «усердие», «сердить». Важным является и то, что именно в древнерусском языке проявляется формула «сердце = гнев»: например, *сърдити*, *сърдитовати* и само *сърдыце* «гнев» (ср. в современном русском: *сердить*, *сердиться*). К XVII в. происходит значительное расширение словообразовательного гнезда с исследуемым корнем. Уходит религиозная составляющая значения корня *sьrd-

(в древнецерковнославянском срьдцевѣдъць – «знающий мысли и чувства человека»). Также интересно, что ранее глаголы срьдобольствовати и срьдоболѣти означали «быть сходным, подобным». Начиная с XIV века, данные глаголы начинают передавать новое значение – «вступать во владение имуществом близкого человека» (т.е. актуальными становятся экономические отношения). «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля фиксирует, что к XIX в. происходит конкретизация значений рассматриваемых лексем. Так, например, получают наименование все участника ситуации ссоры, проявления гнева, ярости. В значении существительного *сердце* актуализируются значения любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала. В XIX в. сердце понимается противоположным разуму, мозгу, умственному, т.е. формируется современный образ, который отражается в значениях лексем с корнем *sьrd-. Наконец, в XX веке происходит значительное сужение словообразовательного гнезда с праславянским корнем *sьrd-.

Материал исторических словарей русского языка позволяет проследить заметную динамику в гнездах на разных этапах. Так, например, со временем заметно сократилось число лексем, входящих в словообразовательное гнездо. Также можно говорить и об уменьшении абстрактных значений, передававших христианские чувства, характерные для производных от праславянского корня *sьrd-.

Болгарский материал представляет нам несколько иную ситуацию. В нем определяются четыре лексико-семантических группы лексем с центральными значениями «сердце (=чувство)», «сердить», «усердие» и «мужество». Последняя группа немногочисленна, в нее входит всего три лексемы – *сърце* (в одном из значений), *сърцат* и *сърцатост*. Но она интересна своим особым, уникальным значением – *сърце* как «мужество», «бесстрашие» [Български тълковен речник: 991] наряду с привычными значениями («центральный орган кровообращения»; «символ души»; «важнейшее место чего-либо»). Примечательно, что данное значение никогда, ни на каком этапе развития не присутствовало в русском языке.

Различаются в сравниваемых языках семантические поля слов, образованных от существительного *сердце*. Например, существительное *сердцевед*, которое на протяжении столетий сохраняло свою значимость для носителей русского языка, даже имело определенный сакральный смысл, сейчас в словарях подается с пометой *шутливо*. В болгарском материале, наоборот, существительное *сърцеведец* сохраняется в высоком смысле и отмечается с пометой *книжно*. В русском языке комплекс отвлеченных значений, характерных для христианских текстов («любовь к ближнему», «сердечность», «душевное отношение к человеку»), постепенно дополняется менее высокой, конкретной семантикой. В южнославянском языке абстрактные значения исследуемого корня сохраняются; в рассматриваемых источниках XX в. заметного увеличения слов с конкретной семантикой зафиксировано не было.

Анализ показал, что лексемы, производные от корня *sьrd- со значениями «сердце», «сердечность», развивались в обоих языках. Это свидетельствует о том, что слова с данным значением были значимы для славян и составляли их языковую историю. Особенно значимыми для русского народа гнезда с данными значениями были в XVII-XIX вв. Именно в этот период наблюдалось самое большое количество лексем с праславянским корнем *sьrd-. Доступные для проведенного анализа болгарские источники обнаружили меньшее количество лексем, но и они позволяют сделать вывод о сохранении в болгарском языке важных абстрактных значений у производных от корня *sьrd-.

Литература

Български тълковен речник // Сост. Л. Георгиев, Ив. Леков и др. София, 1973.

* Примечание: примеры даются в упрощенной орфографии.

Проза словацкой модерны Ушенина Александра Евгеньевна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Рубеж XIX–XX вв. отмечен в славянских литературах появлением течения, вошедшего в историю под названием славянские Модерны. Как и западный Модернизм, они, как правило, представляют собой конгломерат разных течений, концепций, программ. При этом отдельные славянские Модерны при наличии сходных черт (принцип индивидуализма, повышенное внимание к статусу личности, субъективное отражение реальности и др.), обладают специфическими особенностями. Так, Словацкая Модерна представляет собой сложный синтез реалистических, импрессионистских и символистских тенденций.

В Словацкой Модерне (1900-1920гг.) доминировала поэзия. Однако некоторые ее представители создавали и прозу малых жанровых форм, в которой они с помощью психологического анализа, символической образности, лиризации текста пытались раскрыть душевное состояние человека в переломную эпоху.

Наличие элементов символизма и импрессионизма, определившее основу Словацкой Модерны, впервые появляется у одного из самых ярких ее представителей - поэта, прозаика и переводчика Ивана Краско (1876-1953, псевдоним; настоящие имя и фамилия - Ян Ботто). Его перу принадлежат два поэтических сборника и несколько новелл («Свадьба» и «Милостыня», объединенные под общим названием «Сентиментальные Истории», «Наши» («Расставание»), «Письмо мертвому»). Автором пяти рассказов, относящихся также к прозе Словацкой Модерны, является Иван Галл («Пробуждение», «Рождество Аурела» и др.). Один из рассказов («ОН») принадлежит перу Людмилы Грѣблевой (псевдоним Халоупецка). Несколько рассказов Янко Есенского также можно отнести к Модерне («Ольга», «Рабы», «Солнечные ванны», «Сватовство» и др.).

Названные произведения отличает ярко выраженное лирическое начало, которое, как правило, пронизывает весь текст. Порой даже целые абзацы напоминают поэтические произведения. В результате границы между прозой и поэзией стираются - не только потому, что все авторы были еще и поэтами: они не ставили перед собой задачу объективного изображения жизненных ситуаций или их беспристрастной оценки. Гораздо важнее для них было передать состояние надломленности, одиночества, отчужденности человека от мира, его сложные эмоциональные реакции. Так, в новелле «Рождество Аурела» Иван Галл выступает против казарменного образа жизни в интернатах и детских домах, где не придается значения индивидуальным интересам питомца. Главный герой, Аурел Горник, прожив девять лет в интернате для мальчиков, решает начать жить самостоятельно и едва не погибает от голодной горячки. Именно индивидуализм становится здесь главной темой. Герой замкнут, одинок, вспоминая счастливые моменты жизни с матерью, он противопоставляет их своему существованию в интернате, поэтому так ненавидит его и пытается покинуть во что бы то ни стало. Одинок и герой миниатюры «Свадьба». Сам он называет себя «человеком обломовского склада», его отчужденность от мира и замкнутость мешают ему написать Марте – любимшей когда-то его девушке. Герой и сам не может объяснить свое бездействие, не может даже понять наверняка, любил ли он Марту. Его эмоциональные реакции неоднозначны, но именно в этой неоднозначности и кроется природа человека: он сложен, зачастую не может разобраться в своих мыслях и чувствах. Именно такое душевное состояние, неопределенное, но близкое и понятное каждому человеку, и пытается изобразить Краско.

Поэтику прозы Словацкой Модерны отличает подчеркнутая субъективность повествования, превращение внутреннего монолога в своеобразный «внутренний

диалог»: «Зубы у меня скрипят. Мертвец все лежит без движения. Он мертв, - успокаиваю себя непрерывно. Мертв? - ведь я пришел, чтобы его воскресить! Боюсь, что лишусь чувств, и дрожу так, что провод скачет туда-сюда... Ох, как же меня трясет!» («Письмо мертвому», И. Краско). Эта форма наглядно демонстрирует душевные метания героя и противоречивость его чувств. Внутренний конфликт персонажей, как правило, оттеняет размытость сюжетной основы произведений, обобщенное время и место действия. К примеру, в новелле-миниатюре «Свадьба» город, в котором герой испытал чувство любви и который он снова посещает, не назван, дано лишь его условное название. Мы не знаем имени персонажа, отсутствуют какие-либо сведения об его жизни. Все произведение представляет собой поток сознания, воспоминание о былой любви и размышления о том, что же произошло.

Писатели активно прибегают к метафорам, поэтическим сравнениям, стилизованной речи. Частотны риторические вопросы: «Что он будет есть? Чем топить и светить?» («Рождество Аурела»), междометия: «Ах, как сияли её глаза!»; «Ох, Марта» («Свадьба»), незаконченные предложения: «Увлеку вас, увлеку... - звенело у меня в ушах» («Ольга»). Тексты изобилуют лексическими повторами: «Непристойную оплошность. Да, именно непристойную» («Свадьба»). Все это используется авторами не просто ради формы, но призвано отобразить существующую действительность, донести до читателя состояние общества и индивида того времени.

Однако многие из писателей со временем выходят за рамки концепции Словацкой Модерны. Более многообразными становятся проблемы, к которым обращаются писатели, появляется социальная тематика, наряду с малыми жанрами используются и большие жанровые формы, обогащается палитра средств художественной выразительности. Течение постепенно угасает, но традиции Словацкой Модерны впоследствии еще проявятся в литературе, в частности, именно это течение окажет сильное воздействие на развитие словацкого натуразма, многих в авангардистских течений.